

С.А. Кириленко

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ: ХРОНОТОП ПАМЯТИ

Актуальная для современности оппозиция глобальный мир / регионы вобрала в себя оппозицию центр / провинция, более значимую для предшествовавшей эпохи имперского сознания. И поскольку в условиях глобализации с новой остротой встаёт вопрос о принципах формирования региональной идентичности и её зависимости от экономической специфики региона, мы хотели бы обратиться к уникальному историческому прецеденту и рассмотреть процессы трансформации культурной идентичности, сопутствовавшие рождению российской индустриальной провинции.

Особенностью российской ситуации является то, что политическая категория «центр» не подкрепляется географическими и экономическими реалиями. Жизненно важные для страны отрасли, прежде всего отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности, оказались сосредоточены на периферии, что привело к возникновению самобытных локальных образований. Наряду с «традиционной» провинцией, аккумулировавшей прошлое культуры, в России сложилась индустриальная провинция, принципиально отличная по своему культурологическому портрету. Анализ данного феномена можно было бы начать с петровских реформ, уделив внимание такому старинному промышленному району, как Урал, где ведущим фактором формирования новой идентичности и создания региональной мифологии была профессиональная принадлежность. Однако мы позволим себе сосредоточить внимание на событиях относительно недавних, поскольку особый интерес, с точки зрения современной ситуации, представляет процесс формирования структур памяти, на основе которых, при отчётливо выраженной социально-политической доминанте, конституируется региональная идентичность в индустриальной провинции XX в.

Особенностью промышленных регионов является нейтрализованная полиэтничность: их население формировалось путём массовых переселений при активном осуществлении политики культурной унификации, как о том свидетельствует идеологический пласт культуры, получивший отражение в местной прессе и в коллекциях краеведческих музеев. Этим обусловлен фундаментальный парадокс локального исторического сознания, отказывающегося от апелляции в местным истокам: местная «доиндустриальная» традиция игнорируется как относящаяся к категории «чуждого». Таким образом, региональная идентичность в целом формируется вне связи с этнической. Исторический дискурс выстраивается вокруг мифологемы творения из ничего: фигура «убогого чухонца» упоминается только вскользь, а за точку отсчёта принимается начало геологической разведки и промышленного освоения края; вслед за тем на векторе времени отмечается приход первого поезда, возведение первого дома, пуск первой очереди предприятия и т.д.

Вот как представлено появление на Кольском полуострове города Мончегорска, построенного в 30-х гг. при медно-никелевом комбинате: «Более полувека отделяет современный многоэтажный Мончегорск, красивейший город Заполярья, от первых палаток и временок первопроходцев и геологоразведчиков населённого пункта Монча-губа Кольско-Лопарского района Мурманского округа Ленинградской области». Далее упоминается о «почерневшей от времени избушке саами Архипова», стоявшей некогда на берегу Монче-губы среди безлюдья и бездорожья, и тут же подчёркивается, что на Кольском полуострове тогда не было никакой промышленности, кроме лесопильной. Подобным же образом строительство Кировска при апатито-нефелиновых рудниках в Хибинах мыслится как «возведение города в безлюдной местности Русской Лапландии». Осенью 1932 года газета Хибингорский рабочий писала: «Край непуганой птицы, пустынную, дикую, безлюдную тундру превращаем на основе генеральной линии партии в индустриальный центр, в форпост будущего бесклассового общества...» Ничего не говорится о том, что этот край был населён и контакты с местным населением, как о том свидетельствуют старожилы, были весьма интенсивными. Летопись исторических событий, опубликованная в Кировске несколько лет тому назад, открывается перечислением первых письменных свидетельств об этой территории, за чем сразу же следует хронология геологических изысканий, производившихся уже в начале XX века. О лопарях в данном контексте тоже не упоминается.

Необходимо подчеркнуть, что данные дискурсивные модели имеют своей основой не этническое неприятие «иного», но отрицание этнического принципа как такового в пользу формирования единой региональной идентичности. Идеологема «абсолютного нуля», от которого отмеряются вехи индустриализации, присутствует также в исторической памяти промышленных регионов, формировавшихся на территориях, издавна освоенных русскими. Корреспондент газеты «За коммунистический труд» в январе 1962 г. вдохновенно описывал строительство в Ленинградской области нефтеперерабатывающего завода и нового города при нём: «Кириши – город, которого ещё нет на карте. Но скоро, очень скоро листы ватмана и кальки с чертёжной доски перекочат в руки строителей... Да скоро, очень скоро на месте нынешних пустырей встанет во всей красе новый город... Как было в Киришах год назад? Пустынно, безлюдно. Но однажды из поезда вышла первая, маленькая горстка людей – тех, кому предстояло воздвигнуть этот город...»

Символом истории региона становится собирательный образ «зачинателя» – геолога, строителя, металлурга и т.п., положившего начало промышленной жизни края. Этот образ почти всегда получает героизированное воплощение в городских монументах: как пример упомянем памятник «Покорителям Монче-тундры» в Мончегорске и памятник «Первостроителям» в Киришах. Первый представляет собой фигуру геолога, победным жестом взметнувшего над головой кирку; второй – фигуру рабочего, разбивающего ломом противотанковые надолбы. «Адам» индустриализации обычно олицетворяет собой силу и упорство – качества, дающие ему право возобладать над «дикостью» края и, преодолев

сопротивление, которое только увеличивает ценность победы, придать природе потребную культурную форму.

Дальнейшая история региона предстаёт как развитие производственной темы. Так, например, за исходное событие в жизни Туруханского края принимается выплавка в 1865 г. купцами Киприяном и Пётром Сотниковыми пробных 200 пудов черновой меди, а продолжается линия памяти летописью советской геологоразведки в 1919-1930 гг. и ведёт к принятому в 1935 г. решению о строительстве Норильского комбината. Привязка к жизни градообразующих предприятий – характерная особенность исторического дискурса индустриальной провинции. Дебаты о преимуществах того или иного способа производства, внедрение новой технологии, премии и государственные награды, полученные за высокое качество выпускаемой продукции, регистрируются как важнейшие события в жизни города и его обитателей. Но в этой же связи историческое сознание индустриальной провинции оказывается окрашено эсхатологическими мотивами: угроза истощения ресурсов, пусть даже отдалённая, предвещает смерть города. Реалии производства знаменуют и точку начала истории, и точку её завершения.

Деятельность созидателей индустриальной провинции воспевается как самоосуществление «нового человека», преобразующего волевым усилием и природу, и общество. Газетные репортажи насыщены эпитетами: их герои – «замечательные, беззаветно любящие своё дело люди», «деловитые», «увлечённые», «пример стойкости и упорства». В этих штампах, безусловно, просвечивает общераспространённый типаж «строителя будущего», однако «новый человек» индустриальной провинции не сводим к узко социальному идеалу: данный образ мифологизируется в соотнесённости с грандиозным фаустовским проектом преобразования мира. Смысловой контекст задаётся классическими цитатами: пушкинским «Здесь будет город!», прославляющим индивидуальную волю, и «Я знаю, город будет!» Маяковского, переложившего миф о первосоздателе на язык коллективных усилий. В прессе и в краеведческой литературе эти цитаты-символы с значимой частотой обыгрываются в тексте или выносятся в качестве эпиграфа. Напряжение, возникающее в смысловом поле между ними, разряжается в местном поэтическом творчестве, рисуя светящийся образ коллективной созидательной воли:

г. Кировск

(Хибины),

30-е гг.

*Край безлюдный, край суровый
Побеждён трудом упорным.
В тундре вырос новый город,
Названный Хибиногорском. [...]
И шли, борясь с пургой туда,
Где добывается руда. [...]
А вот теперь кругом взгляни -
Повсюду светлые огни.*

г. Кириши

(Ленинградская область),

60-е гг.

*Мой город очень молодой,
Умытый Волховской водой,
Он смотрит в мир доверчиво и мудро.
Он плод моих рабочих рук,
И он мне самый лучший друг.
Он словно весь похож
на солнечное утро.*

Исторический образ региона кристаллизуется как результат самоактуализации «нового человека», который всегда мыслится в виде представителя определённой отрасли индустрии и обычно вне других возможных форм коллективной идентичности. В образе «нового человека», не обременённого доиндустриальной памятью, под знаком двойной новизны – деятеля и места действия – снимаются реальные исторические противоречия, сопровождавшие формирование индустриальной провинции. Этот образ очищен от социальных характеристик, которые могли бы напомнить о разнородном контингенте строителей, их индивидуальных судьбах. Многие промышленные города, как Воркута, рождались за колючей проволокой; другие, как Мончегорск или Кировск, были построены спецпереселенцами; в некоторых регионах, например в Кемеровской области, становлению индустриального сознания сопутствовала жестокая борьба с диаспорами, имевшая целью воспрепятствовать образованию независимых землячеств. Нейтрализация социальных и этнических отличий, их снятие в вознесённом над обыденностью собирательном образе «нового человека», позволили выработать единую идентификационную модель и сформировать единую память вопреки неоднородному и проблемному характеру населения. Доминантой региональной идентичности становится идентичность профессиональная: в газетном языке фигурируют «города металлургов», «города нефтяников», «города шахтёров». Эти определения обладают смыслообразующей ценностью, даже несмотря на потенциальное наличие иных исторических нарративов.

Применительно к историческому самосознанию регионов, сложившихся в ходе индустриализации, уместно говорить не столько о сохранении памяти, сколько о её порождении в интересах региональной идентичности. Одним из действенных инструментов формирования памяти является создание краеведческих музеев. С этой точки зрения любопытен музей г. Кириши, возникший почти одновременно с самим городом. Основу экспозиции составляют документы и вещи, рассказывающие об истории строительства и развития нефтеперерабатывающего комбината, а также других городских предприятий. Киришская модель исторической идентичности региона специфична тем, что включает и целый ряд сюжетов, нацеленных на углубление памяти и развитие темы исторической преемственности. В музее представлены археологические находки из Старой Ладogi, местное кружево и материалы, посвящённые семье Бестужевых, владевших имением неподалёку от современных Киришей. Тем более значима форма музеефикации недавнего прошлого: рядом с крестьянской утварью и изделиями кружевниц, рядом с предметами дворянского обихода, символизирующими память о Бестужевых, видное место занимают вещи 60-х гг., наглядно повествующие о быте первостроителей: баян, печатная машинка, радиоприёмник, телефон. Причём именно этот ряд вещей открывает экспозицию, знаменуя собой не итог исторического

пути, но его подлинное начало. Эти экспонаты позволяют ощутить временн/ую дистанцию на уровне повседневного опыта и тем самым придают жизни предыдущего поколения статус истории, выявляя специфическое прошлое региона, начавшееся вместе с его индустриальным освоением.

Возможность вписать прошлое этих мест в более широкий контекст общеизвестной истории несомненно упрощает задачу симуляции памяти, однако влечёт за собой примечательный парадокс сознания времени в силу двойственного развития темы «исторических истоков». По сравнению с другими городами индустриальной провинции Кириши находятся в исключительной ситуации: там память словно бы ведёт обратный отсчёт от начала промышленного строительства, выискивая аналогии в глубинах истории. Сюжеты из прошлого привлекаются постольку, поскольку они могут высветить реалии настоящего, не поставив под сомнение значимость индустриального начала, и от Рюрика до наших дней в историческом дискурсе преобладает тема торгово-промышленного освоения края. Эта особенность местной исторической традиции получила выражение и в гербе города Кириши, на котором мы видим стилизованное изображение плывущей по Волхову ладьи с горящим на ней газовым факелом – лаконичный символ самосознания «дваждырождённого» региона.

В большинстве городов индустриальной провинции формирование исторического сознания приходится на время жизни третьего поколения, когда хаос реальных событий осаждается в виде общепонятных символов и определяются вехи истории, ведущие от «абсолютного нуля» индустриализации к современности. Выше мы уже упоминали о том, что исторический дискурс, как правило, выстраивается на основе геологической или технологической доминанты. В числе прочих форм особый интерес представляет изложение истории в аспекте городского строительства, поскольку такой ракурс даёт ключ к топографии памяти. Необходимо оговорить, что индивидуальное сознание свободно оперирует образами реального прошлого, локализуя их в городском пространстве: например, на Кольском полуострове старожилы охотно рассказывают о том, где устраивались лопарские праздничные гулянья, или о том, какие объекты поначалу были обнесены колючей проволокой. Однако коллективное сознание старается избегать углубления памяти, угрожающего позитивной идентичности региона, и отмечает преимущественно топоры, несущие семантику индустриального освоения «дикого края». «Город должен быть сытым, весёлым, культурным» – этот императив эпохи освоения Хибин, приписываемый С.М. Кирову, стал также моделью для описания развития провинциальных промышленных центров.

Внимание уделяется строительству первых жилых зданий, борьбе с неустроенностью и вместе с тем архитектурной проработке и идеологическому обоснованию планировки города. Соображения практической целесообразности дополнялись эстетическими поисками: первые проекты отмечены особой заботой о создании самобытного местного стиля, к примеру, шла речь о решении фасадов «в стиле северных стран» или о том, чтобы «строить в стиле Ленинграда и обязательно сохранить красоту здешних мест». В облике многих промышленных городов можно увидеть следы радикальных перемен в идеологии городской застройки: хотя генеральный план города создавался одновременно с проектом предприятия, он неоднократно претерпевал изменения, которые вносились уже по ходу строительства и затрагивали даже принципы прокладки улиц, отчего свой окончательный облик городской центр приобретал спустя не одно десятилетие. Однако в целом – от ансамблевого решения первых улиц до свободной планировки современных микрорайонов – городское пространство должно было воплощать идею индустриализации, являя при этом зримый образ коллективной идентичности. И поскольку корпуса предприятия не могут служить для эстетической визуализации корпоративной идеи, архитектурным центром города, как правило, становилось здание управления, гостиница для приезжих специалистов или рабочий клуб.

Подобным образом оформленное городское пространство изначально оказывается внеисторично: оно заведомо не может нести на себе отпечатков событий, поскольку его элементы воспринимаются массовым сознанием как эстетические и идеологические, но не как исторические знаки. Коллективная память промышленного города была бы пустой суммой индивидуально значимых «памятных мест», если бы история не получила привязку к городскому пространству через символы локальной исторической героики. На определённом этапе улицы промышленных городов, лишённые индивидуальности и дотоле не имевшие значения для исторической идентичности, получают имена узнаваемых культурных героев, семантически связанные с эпохой индустриализации. Так, например, в промышленных городах Кольского полуострова появились улицы А.Е. Ферсмана, В.К. Котульского, В.И. Кондрикова, М.М. Царевского. И при посредстве этих имён-символов история региона была зафиксирована как история индустриального освоения.

Присвоение городским улицам новых имён и открытие памятников «первопроходцам» приходится на 70-80 гг. Вскоре после того страну охватила волна переименований под знаком возвращения к истокам. Индустриальная провинция в силу особого свойства своей исторической памяти оказалась не затронута этим поветрием. Центральные улицы и проспекты по сей день носят имена, воплощающие советские идеологемы эпохи индустриализации – Metallургов, Стахановцев, Строителей. Было бы близорукостью усматривать в этом лишь проявление инертности провинциального сознания. Их переименование поставит под сомнение и значимость тех городских названий, в которых именами геологов, технологов и первых руководителей края символически запечатлена память региона, фундирующая региональную идентичность. В подобной ситуации, наполнившись вновь Восточными, Западными, Новопроложенными и т.п., индустриальная провинция рискует утратить единственную форму истории, выработанную её сознанием, и оказаться отброшенной к истокам. Само по себе это могло бы послужить стимулом к поиску новых оснований для формирования региональной идентичности, например, к компромиссу между индустриальной и этнической составляющими региона, что особенно актуально сегодня для Сибири и

Дальнего Востока. Однако вместе с тем будет уничтожена позитивно окрашенная символика. Нельзя не учитывать, что в настоящее время победный дискурс титанического преобразования природы всё более вытесняется эсхатологичным экологическим дискурсом, и, в случае радикального отказа от сложившегося индустриального хронотопа, можно предвидеть экзистенциально значимый кризис культурных смыслов.